

На правах рукописи

МОРОЗОВ Даниил Олегович

**ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ
ЯЗЫКОВОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ:
ПРОЦЕССЫ НЕОЛОГИЗАЦИИ В РУССКОЙ
ПОЭЗИИ XX ВЕКА**

**(на материале творчества В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых,
А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира)**

10.02.19 — теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург — 2009

Работа выполнена на кафедре современного русского языка в ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Научный доктор филологических наук, профессор
руководитель: **Казарин Юрий Викторович**

Официальные доктор филологических наук, профессор
оппоненты: **Березович Елена Львовна**

кандидат филологических наук, доцент
Бадаев Алексей Феликсович

Ведущая ГОУ ВПО «Гуманитарный университет»
организация:

Защита состоится **24 июня 2009 года в 13 часов** на заседании диссертационного совета Д 212.286.11 при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «___» мая 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Лингвокреативная способность языковой поэтической личности представляет значительный интерес для нескольких недавно возникших научных направлений, чем обусловлена **актуальность** настоящего исследования. Лингвокреативная способность, тесно связанная с экспликацией интенций и представлений о мире конкретной языковой личности, проявляется в фактах, нарушающих норму литературного языка, нередко – в образовании окказионализмов. Деривационная составляющая лингвокреативности изучается в работах, посвященных невузальному словообразованию. Проблематика образования окказионализмов в художественном тексте, неологизации, тесно связана и с развивающейся во второй половине XX века теорией номинации, а также с вопросами возникшей во второй половине XX столетия лингвистической поэтики, призванной создавать комплексные описания идиостилей конкретных авторов, равно как описание поэтического языка во многообразии всех этапов его существования и стилистических разновидностей.

Материалом для исследования служат поэтические и драматические тексты В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых, А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира, содержащие окказионализмы. **Источником материала** послужили собрание сочинений А. Е. Крученых, вышедшее в 2001 г. в малой серии «Новой библиотеки поэта» (были проанализированы все стихотворения из данного издания, а также либретто оперы «Победа над солнцем»), трехтомное собрание сочинений В. В. Хлебникова, выпущенное в 2001 г., пятитомное собрание сочинений А. А. Вознесенского, издававшееся в 2000–2002 гг. издательством «Вагриус», а также отдельные персональные сборники этого поэта, стихотворения и поэмы Г. В. Сапгира, вышедшие в 2004 г. в малой серии «Новой библиотеки поэта», а также стихотворные сборники Г. В. Сапгира, выложенные в интернете на сайтах sapgir.narod.ru и www.vavilon.ru.

Объектом нашего рассмотрения являются продукты модельной и немодельной неологизации (слова-окказионализмы) вышеозначенных авторов, **предметом** рассмотрения – фонетические, словообразовательные и семантические особенности окказионализмов.

Целью настоящей работы является сопоставительное исследование словообразовательного компонента языковой способности В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых, А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира, сравнение и противопоставление подхода этих авторов к неологизации, выявление стоящих за словообразовательными механизмами интенций и представлений о картине мира.

В соответствии с выдвинутой целью решались следующие **задачи**:

-изучение научной литературы по теории языковой личности и окказионализации с формулированием определения окказионализма;

-изучение научной литературы по лингвистической поэтике, теории номинации, словообразованию (в том числе словообразовательных подсистем разговорной речи, просторечия, русских говоров, детской речи на разных этапах существования русского языка);

-выявление окказионализмов в текстах означенных авторов;

-словообразовательный анализ производных слов с вычленением основы, словообразовательного форманта, определением словообразовательного типа;

-классификация производных окказионализмов по словообразовательным типам;

-количественное сопоставление частотности тех или иных словообразовательных типов, видов окказионализмов;

-классификация произвольных окказионализмов по видам деформации слов, тематическим группам (у звукоподражаний), грамматическим значениям (у квазислов), фонетическим параметрам (у лексоидов);

-контекстологический анализ лексических значений окказионализмов;

-сравнение и противопоставление словообразовательного компонента языковой способности рассматриваемых авторов по ряду параметров (словообразовательные типы и их частотность; цели неологизации (интенции языковой личности); участки языковой поэтической картины мира, открывающиеся за окказионализмами);

-сопоставление неологизации рассматриваемых авторов с законами русского словообразования и русской фонетики.

При решении данных задач использовались такие **методы**, как словообразовательный анализ, компонентный анализ лексического значения, фоносемантический анализ, лингвистический анализ поэтического текста, метод типологизации, метод количественной обработки материала.

Специфика рассматриваемого в работе материала диктует необходимость междисциплинарного подхода к его анализу. В связи с этим **теоретические предпосылки** исследования объединяют ключевые положения, сформулированные в работах по лингвистике и семиотике художественного текста (Р. О. Якобсон, А. К. Жолковский, Л. В. Зубова, В. П. Григорьев, М. Л. Гаспаров, О. Г. Ревзина, Ю. И. Левин, Ю. В. Казарин, Л. П. Якубинский, Ю. Ю. Авалиани, Г. О. Винокур, И. П. Смирнов и др.), истории и художественной практике русского литературного авангардизма (В. Ф. Марков, С. Е. Бирюков, Т. Л. Никольская, Н. Н. Перцова, Ж.-Ф. Жаккар, Дж. Янечек, Р. Зиглер, Х. Баран, И. Е. Васильев, Н. И. Харджиев, Р. В. Дуганов и др.),

словообразованию русского языка (Д. И. Алексеев, Е. А. Василевская, О. А. Габинская, Е. И. Голанова, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, Т. В. Попова, И. С. Улуханов, Д. Р. Шарафутдинов, Н. А. Янко-Триницкая и др.).

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые достаточно полно рассматривается неологизация в текстах А. Е. Крученых и Г. В. Сапгира, а также А. А. Вознесенского 1990-х гг. Кроме того, в настоящем исследовании впервые предпринимается на материале поэтических текстов попытка комплексного системного описания заумных окказионализмов (лексоеидов и квазислов), дается исчерпывающее (в границах рассматриваемого материала) описание разновидностей сравнительно нового графического способа словообразования.

Теоретическая значимость работы состоит в создании классификации способов графического словообразования, классификации полуслов по способам создания, классификации продуктов заумной неологизации; все они могут применяться при анализе текстов других поэтов. Теоретически важны и разрабатываемые в диссертации принципы сравнения разных языковых поэтических личностей, а также рассмотрение конкретного языкового материала в аспекте теории языковой поэтической личности. В ходе описания смешанных, гибридных разновидностей графического словообразования и формулировании характеристик полуслов описываются сравнительно новые для художественной и научной литературы, не до конца теоретически осмысленные способы словообразования.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в школьных и вузовских историко-литературных курсах при характеристике творческих установок русских футуристов и современных авангардных поэтов, в вузовских лингвистических курсах, посвященных словообразованию, лексикологии, тенденциям развития русского языка. Содержащиеся в настоящей работе наблюдения и выводы могут быть учтены при комментированном издании произведений русских авангардистов, при составлении словарей русской поэзии XX в.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Основные теоретические положения и практические результаты докладывались автором на следующих конференциях: «Имя в языке и культуре» (Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2005), «Современные интерпретации классики : Классические интерпретации современности» (УрГУ, 2007), Всероссийская научная

конференция «II Лазаревские чтения» (Челябинск, 2003), Всероссийская научная конференция «XVI Кузнецовские чтения» (Екатеринбург, 2007). По материалам диссертации опубликовано 6 статей.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, заключения и 4 глав, а также приложения и списка использованной литературы, включающего 367 наименований. В первой главе рассматриваются теоретические предпосылки исследования. Общий объем текста составляет 182 страницы.

Положения, выносимые на защиту:

1. В языковой способности всех рассматриваемых в работе авторов (В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых, А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира) ведущими являются фонетический и словообразовательный ярусы, являющиеся для среднестатистического носителя языка фоновыми.

2. Словообразовательные возможности языка накладывают ограничения на лингвокреативную деятельность поэтов, проявляющуюся в модельной неологизации: процентное распределение окказионализмов по частям речи примерно одинаково.

3. В текстах поэтов конца века осознанным становится графический способ словообразования, практически не использующийся в текстах поэтов начала века.

4. Лексоиды, то есть заумные окказионализмы, составляют особую фонетическую подсистему русского языка. Лексоидам разных эпох и народов свойственны общие формальные черты.

5. В неологизации проявляются индивидуальные, в том числе психологические, особенности авторов. В паре Хлебников/Крученых первому свойственна большая рациональность, системность, второму – эмоциональность, спорадичность. Поэты второй половины XX века в этом отношении продолжают развивать неологизационную «линию Крученых».

6. Для В. В. Хлебникова и А. Е. Крученых неологизация является лингвистическим экспериментом, способом создать новый язык, международный искусственный язык. А. А. Вознесенский и Г. В. Сапгир уже не проводят таких крупномасштабных лингвистических экспериментов.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются объект и предмет исследования, дается описание материала и методологической базы. Во Введении также содержатся сведения об апробации результатов, структуре и объеме исследования.

Глава 1 «Теоретические предпосылки исследования словообразования языковой поэтической личности» является теоретической и посвящена изложению основных научных положений, лежащих в основе анализа языкового материала.

В *параграфе 1.1 «Понятие языковой личности»* излагаются основные положения работ Ю. Н. Караулова и Ю. В. Казарина, касающихся языковой поэтической личности. Языковая личность реконструируется на базе языковых средств с привлечением экстралингвистической информации. В работах Ю. Н. Караулова представлено широкое понимание термина, когда исследователь изучает общерусскую языковую личность, обобщая множество идиолектов. В диссертации мы употребляли термин в узком значении, поскольку нас интересовали именно конкретные идиолекты. Ю. В. Казарин, развивая идеи Ю. Н. Караулова, предложил термины «текстовая личность» и «языковая поэтическая личность», выражающие ориентацию на литературные поэтические тексты, а не на обычные речевые тексты.

Опираясь на труды Ю. Н. Караулова, можно выделить такие уровни языковой личности, как вербальный (собственно языковой, включающий лексикон и грамматикон), тезаурусный (представления о картине мира, содержащиеся в наборе иерархизированных концептов) и прагматический (содержит интенции, цели и мотивы текстопорождения). Дополнительно к ним Ю. В. Казарин выделяет следующие: антропологический (экстралингвистические параметры: пол, возраст, физиологию, психологию, биографию человека, время и место создания тестов; социальный (социально-политические и экономические условия, в которых находится языковая личность); эстетический (отношение поэта к традиционалистам, модернистам, авангардистам, пост-модернистам); дискурсный (его единицы – метр, ритм, рифма, строфика, графика, музыкальность и др. паралингвистические параметры).

В *параграфе 1.2 «Понятие языковой способности»* излагается психолингвистическая концепция Ю. Н. Караулова, по которой порождать и понимать тексты человек может не благодаря языку, являющемуся научной абстракцией, а благодаря ассоциативно-вербальной сети, в которой переплетены единицы лексики и грамматики. Кроме этого, вербального яруса, в языковую способность входят еще когнитивный и прагматический. Языковая способность поэтов-авангардистов, впрочем, отличается от обычной: они творчески исследуют язык, обращая пристальное внимание на единицы фонетики и словообразования.

В *параграфе 1.3 «Окказионализмы и их отношение к словообразовательной системе русского языка»* приводятся различия между окказионализмами и потенциальными словами. Окказионализмам присущи принадлежность к речи, творимость, зависимость от контекста,

индивидуальная принадлежность, экспрессивность. Потенциальные слова, хотя и отсутствуют в лексиконе, создаются по продуктивным словообразовательным моделям (не несут отпечатка индивидуальности), создавая их, говорящий не стремится к выразительности. Противопоставление окказионализмов и потенциальных слов нивелируется в поэтическом тексте, поскольку и те, и другие обращают на себя особое внимание читателей, аккумулируют важнейшие смыслы.

В параграфе 1.4 «Общая характеристика модельных окказионализмов В. В. Хлебникова и А. Е. Крученых» говорится о трудностях при вычленении из текстов двух авторов окказионализмов: оба они употребляют реальные редкие слова (В. Хлебников – диалектные и заимствованные из славянских языков, А. Крученых – технические термины), которые можно принять за новообразованные.

В параграфе 1.5 «Общая характеристика немодельных окказионализмов» производится классификация способов и продуктов немодельной неологизации. Окказионализмами, обладающими лексическим значением, являются звукоподражания и результаты графико-фонетической деформации слов; если графико-фонетические деформации слов производятся поэтами достаточно целенаправленно и часто, то следует говорить об употреблении особого способа словообразования – графического. Встречаются в поэтических текстах и фонетические слова, не обладающие лексическим значением, называемые заумными. В диссертации выделяются следующие разновидности зауми: морфологическая (ее результат – *квазислово* – обладает грамматической семантикой вследствие наличия асемантичного корня и служебных морфем литературного языка) и фонетическая (в результате ее появляется *лексоид* – асемантичное сочетание звуков, не обладающее внутренней формой). У лексоида существует лишь фонетическое, ассоциативное значение. Особого значения заслуживает вопрос соотношения в лексоидах произношения и правописания. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал, что заумные тексты, включающие многосложные слова, невозможно произнести вслух, поскольку, во-первых, неясно, на каком слоге ставить ударение, во-вторых, встречаются произносимые одиночные согласные и группы согласных. В настоящем исследовании предлагается иная точка зрения: фонетическая заумь представляет особую фонетическую подсистему русского языка. Вопрос об ударении может решаться двояко: либо заумные тексты следует скандировать, как считалки, отчетливо произнося каждый слог, либо ударение не фиксировано, как в некоторых искусственных международных языках. Наряду с терминами *квазислово* и *лексоид* в диссертации употребляется *псевдослово*. Термин *псевдослово* (наряду с *квазислово*) употребляется в работах по детской речи и обозначает асемантичный набор звуков, случайно совпавший со словом реального языка (дети продуцируют псевдослова еще до усвоения

родного языка). Применимо к литературным текстам псевдослово – омофон, совпадающий со словом литературного языка, асемантизированный вследствие заумного контекстного окружения.

Далее вкратце характеризуются основные аспекты рассмотрения зауми. С точки зрения бытования заумного текста на временной оси можно выделить диахронный и синхронный аспекты рассмотрения, или, что то же, этимологический (ученые стремятся установить исходные слова какого-либо языка, подвергшиеся семантическому выветриванию и утратившие первоначальный смысл) и перцептивный. Применимы к фонетической зауми и такие традиционные аспекты рассмотрения языка, как парадигматика (классификация лексоидов по используемым типам слогов)/синтагматика (описание встречающихся в лексоидах комбинаций слогов и звуков, особенно – в сравнении с фонетическими нормами литературного языка)/прагматика (прагматический смысл возникает за счет конситуации, применимо к литературным текстам – вследствие прояснения семантики в заголовке, незаумном контекстном окружении, метаязыковых высказываниях, содержащих авторскую рефлексию).

В Главе 2 «Прагматическое значение и формально-семантические особенности субстантивной модельной неологизации в текстах В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых, А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира» рассматриваются продукты субстантивной неологизации.

В параграфе 2.1 «Окказиональные существительные В. В. Хлебникова» было выявлено, что окказионализмы, созданные с помощью некоторых словообразовательных формантов (-иня, -ыня, -ич, -язь, -авль, -ес, -ирь, -епр, -естр, -ог), благодаря последним приобретают «славянскую» стилистическую окраску, в чем проявляется важная для языковой поэтической картины мира В. В. Хлебникова оппозиция *свое* (славянское) / *чужое* (западное), впервые выделенная В. П. Григорьевым. Делать заключения о поэтической языковой картине мира В. В. Хлебникова позволяют производящие основы его окказионализмов. Наиболее частотные мотивирующие глаголы хлебниковских образований – *мочь* и *любить*. Образования с корнем *мог-* свидетельствуют о том, что центральное место в языковой поэтической картине мира В. В. Хлебникова занимает фигура человека, деятельно преобразующего мир. Глагол *любить* следует рассматривать в ряду мотивирующих слов, соотносящихся с явлениями, противопоставленными христианской идеологии, такими как *любовь* (*любить, нежить, лобзать, чаровать*), *колдовство* (*чаровать, ворожить*), безбашенное огульное веселье (*плясать, махать, ляпать, шалить*). Присутствие подобных тематических группировок среди мотивирующих глаголов указывает на идеализацию дохристианской языческой Руси, что является частной разновидностью оппозиции *свое* (славянское) / *чужое* (западное). В изменении семантических разрядов окказиональных онимов (на место

теонимов пришли антропонимы и топонимы) и их словообразовательных характеристик (преимущественно суффиксальные способы словообразования уступают место сложениям, контаминациям и аббревиациям, появляются имитации иностранных онимов и сложения с элементом *стан*) проявляется эволюция хлебниковского мировоззрения от национализма к интернационализму, от панславизма к паназийству.

В параграфе 2.2 «Окказиональные существительные А. Е. Крученых» сопоставляются продукты субстантивной неологизации двух поэтов-футуристов. Большинство отглагольных суффиксальных существительных В. В. Хлебникова составляют окказионализмы, обозначающие отвлеченное действие; напротив, среди образований А. Е. Крученых преобладают существительные, обозначающие носителя процессуального признака. Из этого следует, что для В. В. Хлебникова важнее действие, а для А. Е. Крученых – его исполнитель. Это свидетельствует и о большей степени абстрактности мышления В. В. Хлебникова. Большинство используемых А. Е. Крученых суффиксов – модификационные, в то время как у В. В. Хлебникова лидируют образования со значением «носитель предметного признака». Чаше, чем у В. В. Хлебникова, у А. Е. Крученых встречаются суффиксы стилистической модификации. Это указывает на то, что В. В. Хлебников стремился дать принципиально новую номинацию, в то время как А. Е. Крученых менял стилистическую окраску слова. Многие окказионализмы А. Е. Крученых обладают просторечной стилистической окраской, в отличие от окказиональных архаизмов-славянизмов В. В. Хлебникова.

В параграфе 2.3 «Окказиональные существительные А. А. Вознесенского» показывается, что по духу А. Вознесенскому ближе творчество А. Крученых, чем В. Хлебникова. Среди окказионализмов с модификационными значениями у А. А. Вознесенского преобладает группа слов с субъективно-оценочными значениями, что демонстрирует особую важность для него стилистической и экспрессивной, нежели собственно номинативной, функций словообразования. А. А. Вознесенский создает окказионализмы с помощью заимствованных формантов *-есс(а)*, *-иссим(о)*, отражая их популярность в языке современной прессы и рекламы. А. А. Вознесенский использует для производства окказионализмов иностранные по происхождению элементы *экс-*, *пост-*, *пара-*, *-стрит*, *Хуан*, *бул*, *шит*, *-иссимо*, *ру*, *мобель* (мобильник), в чем проявляется стремление следовать за языковой модой (заимствования из иностранных языков, в особенности из английского, сейчас воспринимаются как престижные). За этим стоит интенция – всегда оставаться современным, идти в ногу со временем, отражать все изменения общего языка и мышления.

В параграфе 2.4 «Окказиональные существительные Г. В. Сапгира» показано, что дериваты существительных у Г. В. Сапгира обладают чаще модификационными словообразовательными значениями: для автора важнее выразить отношение к предмету номинации. Преобладают стилистически сниженные производные, что эксплицирует интенцию языковой поэтической личности воспроизводить языковые особенности просторечия. Аббревиации Г. В. Сапгира эксплицируют отрицательное отношение поэта к официальным советским учреждениям, носящим неблагозвучные тяжеловесные названия. Повторное использование Г. В. Сапгиром футуристических неологизмов демонстрируют интенцию его поэтической языковой личности, состоящую в продолжении языковых экспериментов русских авангардистов начала XX века.

Глава 3 «Прагматическое значение и формально-семантические особенности несубстантивной модельной неологизации в текстах В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых, А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира» рассматриваются производные прилагательные, глаголы, наречия и окказионализмы других частей речи.

В параграфе 3.1 «Окказиональные прилагательные» демонстрируется, что прилагательные анализируемых авторов, по преимуществу созданные путем сложения, являются потенциальными словами. Особую группу среди хлебниковских окказиональных суффиксальных прилагательных занимают слова, мотивированные словом «нет», частицей «ни», предлогом «от» и местоимениями. Значение данных неологизмов предельно абстрактно и отражает важные для хлебниковской картины мира противопоставления *настоящее/будущее*.

В параграфе 3.2 «Окказиональные глаголы» сравниваются окказиональные глаголы анализируемых авторов. Обращает на себя внимание различная стилистическая окраска окказиональных глаголов рассматриваемых авторов, создающаяся как за счет использования определенных словообразовательных средств, так и за счет стилистической окраски мотивирующих слов. В то время как окказионализмы В. В. Хлебникова обладают архаичной, «славянской» и диалектной окраской (*зазвездать, баскующие, снедано*), окказионализмам А. Е. Крученых свойственна просторечная окраска (*каюкнуть, качурятся, втюримшись*). А. А. Вознесенский и Г. В. Сапгир в данном отношении продолжают «линию Крученых»: у первого нередки образования с просторечными формантами и контаминанты-эвфемизмы, у второго окказионализмы могут включать в свой состав нецензурные корни. С точки зрения словообразовательного компонента общерусской языковой способности несомненной новацией является использование А. А. Вознесенским при создании глагольных и местоименных дериватов присубстантивных и приадективных в литературном языке префиксов и

префиксоидов *анти, видео*. Начальный компонент сложений *видео* привносит в лексическое значение слова отрицательную коннотативную семантику, эксплицирует такой концепт языковой поэтической картины мира, как миражность, неподлинность существования человека в условиях современной техногенной цивилизации.

В параграфе 3.3 «Окказиональные наречия, местоимения, числительные, междометия» показано, что словообразовательные модели окказиональных наречий у поэтов конца века богаче, чем у поэтов начала века. Применяются более разнообразные способы – не только суффиксация и суффиксация с префиксацией, но и префиксация, сложение с префиксацией и суффиксацией, а также окказиональные способы словообразования (контаминация у Г. В. Сапгира, мена суффикса у Г. В. Сапгира и А. А. Вознесенского, усечение у А. А. Вознесенского). Очевидно, А. А. Вознесенский и Г. В. Сапгир стремятся творчески освоить новые, не затронутые футуристами области русского словообразования.

В Главе 4 «Разновидности и значение немодельной неологизации в текстах В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых, А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира» рассматриваются результаты графических деформаций лексем и заумные слова (лексойды). Наличие значительного количества однотипных графических деформаций в текстах Г. В. Сапгира и А. А. Вознесенского позволяет говорить об использовании этими авторами графического способа словообразования, или графикации. У поэтов-футуристов графическая трансформация употребляется спорадически, то есть не осознается ими в качестве самостоятельного полноценного словообразовательного способа.

Параграф 4.1 «Графикация как новый способ словообразования (на примере текстов Г. В. Сапгира и А. А. Вознесенского)» посвящен сечению и интеграции в произведениях А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира. Сечение – опускание на письме частей слова, в результате чего появляются *полуслова* (в работе они называются также сеченными словами, деформированными словами и деформантами). В диссертации были выявлены следующие основные черты сеченных слов, позволяющие отделить их от графических сокращенных написаний и объединить в особую группу окказионализмов: полуслово создается путем исключения из исходной словоформы элементов различных уровней языка (фонем, слогов, морфем, даже букв); полуслово, в отличие от сокращенных написаний, читается так, как написано; полуслово часто не равно по значению исходной словоформе, подвергшейся сечению (наблюдаются явления актуализации и наведения сем, поскольку звуковой отрезок, составляющий полуслово, может быть общим у него с другими полными словами или являться самостоятельным несокращенным словом); иногда сеченные слова отличаются от

исходных стилистической окраской (разговорной, просторечной); многим деформантам свойственна морфологическая диффузность, то есть формальная нейтрализация грамматических признаков при прояснении их в контексте.

Существуют следующие графические способы указания на использование автором сечения (здесь и далее в квадратные скобки заключаются отсутствующие в поэтических текстах части слов):

- отсутствие сигнализации (неузуальный пробел, в том числе в середине слова): *[те]р[я]уои* (А. А. Вознесенский), *[при]чудливо* (Г. В. Сапгир);

- употребление многоточия на месте опущенных частей слова: *и ...[чел]овече[ский]... прогресси...* (А. А. Вознесенский);

- знак переноса (дефис): *огнями рассыпаясь в нарисо-[ванных]* (А. А. Вознесенский).

Как правило, при чтении стихотворения достаточно легко догадаться, из какого «полного» слова путем сечения образовано полуслово. Этому помогают следующие факторы:

- авторы употребляют полуслова в корректных с точки зрения грамматики литературного языка предложениях, так что часто читателю на помощь приходят согласовательные категории или особенности глагольного управления: *пудель наш корич[невый]*, *теяли игр[у]* (оба примера из стихотворений Г. В. Сапгира);

- к расшифровке читателя подталкивает контекстное словесное окружение, поскольку поэты, прибегая к сечению слов, не создают текстов с нарушением семантических связей. Например, словосочетание *[фо]нарь и сугроб* из текста Г. В. Сапгира относится к фрагменту произведения, где описывается традиционный городской зимний пейзаж, поэтому очевидно, что сечению подвергается лексема *фонарь*, а не, скажем, *свинарь* или *звонарь*.

- исходная, недеформированная словоформа содержится в заглавии, эпиграфе или рефрене: *д[и]кая ака[ция]* – начало стихотворения Г. В. Сапгира, называющегося «Акация».

Особого комментария заслуживает вопрос о параллелях между деформациями слов в детской речи и в речи поэтической. Некоторые исследователи (например, М. Д. Шраер) усматривают в полусловах Г. В. Сапгира имитацию речи маленьких детей, не умеющих выговаривать слова целиком. Однако деформанты рассматриваемых поэтов отличаются от фактов детской речи следующими чертами:

- дети, коверкая слова, делают их более легкими для произнесения, в частности, избегают скоплений согласных, что далеко не всегда можно сказать о поэтах;

- полуслова Г. В. Сапгира и А. А. Вознесенского часто соответствуют современным рекомендациям к сокращениям слов, например, не пишутся

окончания у определений, согласующихся с определяемым словом, и, наоборот, может опускаться окончание определяемого слова; наиболее частотны подобные случаи у Г. В. Сапгира: *пальмовые ребр[а]*, у него же встречается запись началом и концом слова: *в черных водо[ро]сл[ях]*;

-некоторые полуслова воспроизводят древнерусские написания под титлом, не находящие аналогов в детской речи: *Г[о]сп[о]ди!* (пример из стихотворения Г. В. Сапгира).

На основании этого в диссертации обосновывается, что полуслова генетически связаны не с детской речью, а с письменной формой литературного языка (вплоть до языковых особенностей древнерусских текстов, а также современных маргинальных жанров словесности, таких как конспект, телеграмма).

Наиболее ярко приращение смысла при использовании сечения демонстрируют тексты А. А. Вознесенского. Исключение одного и того же элемента в пределах одного контекста превращает его в окказионально вычленяемый корень и привносит в полуслова общую сему: *...[Ру]блевское шоссе, своя ...[ру]башка ближе к телу, по[ру]...ганая, и т[ру]...н*. Здесь общий элемент – *ру* – взят, как явствует из содержания поэмы «Чат», из интернет-адресов сайтов русского интернета и метонимически обозначает Россию. Исчезновение данного окказионального корня соотносится со смыслом поэмы – исчезновение, гибель современной России.

Затем рассматривается интеграция, то есть слитное написание сочетания слов или целого предложения, применяемая в основном А. А. Вознесенским. В употреблении интеграции, популярной в средствах массовой информации, проявляется интенция А. А. Вознесенского отражать все новые тенденции развития языка, веяния языковой моды. Особенно показательна в данном отношении ультрасовременная группа онимов – интернет-адреса. Интернет-адреса в основном создаются поэтом по продуктивной действующей модели, представляя собой интеграции с конфиксоидом *www...ru* и главным компонентом (словом, словосочетанием) в середине, при этом составные элементы наименования разделяются точками. Во всех примерах из поэмы А. А. Вознесенского «Чат» радикалоидный элемент ассоциативно характеризует современную Россию: *www.высоцкий.ru, www.тюряга.ru, www.господи!...ru*. Обрамляющие буквы наименований пишутся латиницей, а центральный элемент – кириллицей, что нетипично для интернет-адресов. Результаты интеграции, являющиеся интернет-адресами, по природе своей амбивалентны и демонстрируют противоречия, свойственные всему творчеству А. А. Вознесенского. С одной стороны, он стремится отразить новейшие изменения языка и общества, эстетизировать их, что соответствует программным требованиям футуристов (русских и итальянских), с другой – многие

изменения оцениваются им отрицательно. Это относится и к такому достижению цивилизации, как интернет; в поэме «Чат» буквы *www* метафорически уподобляются терниям, символизирующим страдание, то есть сравниваются с чем-то отрицательным, болезнетворным, завезенным из-за рубежа: *контейнер, груженный терниями, / направляется в точку «ru»*. При этом интернет как способ объединения людей оценивается положительно. Создается картина противоречивой действительности, поддерживаемая совмещением кириллицы и латиницы в окказиональных интернет-адресах.

Большинство окказионально объединяемых А. А. Вознесенским на письме слов имеет общие фонетические отрезки, что сближает его слияния с результатами междусловного наложения. Подобные окказионализмы являются одновременно и слитными написаниями, и скороговорками, в которых при многократном повторении одно слово плавно перетекает в другое/другие. В результате появляются циклограммы (термин позаимствован у А. Ф. Бубнова), напоминающие палиндромы. Циклограмму можно определить как окказионализм, допускающий при чтении двоякое (реже – троякое) разбиение на значимые элементы.

Параграф 4.2 «Промежуточные случаи между модельной и немодельной неологизацией (незаумные немодельные образования)» посвящен звукоподражаниям и деформированным написаниям. Больше всего немодельных окказионализмов (861) насчитывается в текстах А. Е. Крученых. Из них 154 слова (18 %) не являются заумными, то есть соотносятся с объектами действительности. Чаще А. Е. Крученых искажает графический (и, следовательно, фонетический) облик слов, что, однако, не приводит к появлению новых лексем. Фонетико-графический облик слов изменяется для достижения следующих целей: изображение речи иностранца, плохо владеющего русским языком; изображение речи ребенка, коверкающего слова; создание разговорной и просторечной окраски; соблюдение рифмы; появление стыков согласных, групп одинаковых по артикуляционным характеристикам звуков, произносимых согласных, аффрикат, что создает дополнительные трудности при произнесении/восприятии текстов.

На основании семантических группировок звукоподражательных окказионализмов можно противопоставить языковые поэтические картины мира В. В. Хлебникова и А. Е. Крученых: у первого преобладают подражания звукам, издаваемым природными явлениями и живыми существами (в первую очередь – птицами), у второго – подражания звукам неодушевленных орудий, заводских станков и т. д., что свидетельствует о предпочтении В. В. Хлебниковым природы, деревни городу и города деревне А. Е. Крученых.

Параграф 4.3 «Немодельная заумная неологизация» посвящен разного рода асемантичным окказионализмам.

Тексты/фрагменты текстов, состоящие из лексоидов, обладают прагматической семантикой. В большинстве заумных стихотворений А. Е. Крученых авторская интенция состоит в том, чтобы максимально точно, опираясь на фоносемантические особенности звукобукв, выразить собственные эмоции. Однако встречаются и другие варианты прагматической семантики (как правило, семантика проясняется благодаря заглавию текста): изображение иностранного языка – стихотворение «Приветствие (с татарским оттенком)», цикл «Восток», стихотворения «Всход на горы», «Гул Кавказа»; изображение квазиречевых действий человека с органическими нарушениями мозга/речевого аппарата – стихотворение «Глухонемой»; дикарский выкрик перед боем, устрашающий врагов – стихотворения «Задорный вызов», «Военный вызов зау», «Боен-кр», «военная песня», входящая в состав оперы «Победа над солнцем»; заклинание – стихотворение «Песня шамана»; изображение звуков, издаваемых гусями – «Весна гусиная»; фонетическая формула, включающая ключевые звуки романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» – стихотворение «Евген. Онегин в 2 строч.»; имитация текста из букваря – стихотворение «хо бо ро»; данное стихотворение воспроизводит речь ребенка, учащегося читать по слогам.

В диссертации обосновывается, что заумные тексты русскоязычных поэтов составляют особую фонетическую подсистему русского языка. Особенно ярко это проявляется в произведениях А. Е. Крученых. В исследовании выявляются следующие основные графические и фонетические особенности его лексоидов: более тесная, однозначная связь между написанием и произношением, чем в русском литературном языке; гласные не подвергаются количественной редукции; невозможна ассимиляция согласных; звонкие согласные перед глухими и на конце слова не оглушаются; буквы *о, а, ы, э, у* всегда обозначают твердость предшествующего согласного, *и, е, я, ю, е* – его мягкость, даже если речь идет об аффрикатах и шипящих.

Конечно, подобные факты можно считать нарушением орфографических, а не произносительных норм русского языка, тем более что зачастую лексоид не может быть прочитан вслух. Однако эта невозможность произнесения принципиальна для авангардиста А. Е. Крученых: он создает собственный язык, сам устанавливает себе законы, и если кто-то не может прочесть заумный текст – это свидетельство его недостаточной подготовленности к восприятию современного искусства, следствие ограниченности сознания.

В. В. Хлебников, в отличие от А. Е. Крученых, не пытается сконструировать слов, произнести которые было бы не под силу русскоговорящему человеку, то есть фонетика его заумных текстов в

большей степени совпадает с фонетикой русского языка. Стремление рационализировать заумь, противоположное творческим устремлениям А. Е. Крученых, проявляется в попытке В. В. Хлебникова создать искусственный международный язык, призванный вытеснить все существующие естественные языки, так называемый «звездный язык». Тексты, содержащие в себе элементы «звездного языка» (звукобуквы-морфемы), заумны для неподготовленного читателя, однако обладают смыслом для автора. Строевыми единицами «звездного языка» являются согласные фонемы-морфемы, которым В. В. Хлебников приписывал определенные значения, якобы общие для всех человеческих языков. В целях облегчения произношения В. В. Хлебников добавляет к согласным фонемам гласные, образуя слог простейшей структуры CV (согласный-гласный).

У А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира лексоидов значительно меньше, причем они нередко заимствуются из фольклора или у предшественников – тех же Хлебникова и Крученых. Оба поэта второй половины XX века предпочитают морфологическую заумь, не полностью лишенную смысла с точки зрения русского языка.

В Заключении подводятся итоги и излагаются выводы, сделанные в ходе исследования.

Поэты-авангардисты, в отличие от большинства носителей языка, обладают высокой степенью языковой свободы уже при использовании единиц фонетического, словообразовательного, морфологического уровней языковой способности.

В авангардистской поэзии XX в. происходит перегруппировка способов словообразования: поэты конца века чаще своих предшественников обращаются к графическим и способам словообразования с соединительным значением.

Процентные соотношения окказионализмов разных частей речи в текстах разных авторов практически полностью совпадают. Подобное сходство продуктов неологизации разных авторов вызвано тем, что словообразование существительных в русском языке по количеству словообразовательных моделей богаче словообразования прочих частей речи.

Не столь случайны даже случаи фонетической зауми: некоторые особенности (преимущественное преобладание слогов структуры CV (согласный-гласный), лексоидов длиной в 1–6 элементов позволяют говорить о том, что глоссолалии представителей разных эпох и языков свойственны формальные общие черты.

Одна из интенций, управляющая хлебниковским текстопорождением – желание вернуть русскому языку его исходное – творческое – состояние, проявлявшееся в том, что постоянно образовались новые слова, и практически каждое слово имело прозрачную внутреннюю

форму. Поэт, сознательно работавший со словообразованием, развернул целенаправленную борьбу с опрощением. Особенно ярко она проявилась даже не в использовании унификсов, а в окказиональном переложении утративших членимость основ слов, в активном употреблении полученных таким путем квазификсов. Желание осмыслить каждый элемент слова проявлялось и в установлении значений отдельных звукобукв. В создании производных окказионализмов проявились такие важные для когнитивного уровня языковой личности В. В. Хлебникова оппозиции (ранее отмечавшиеся В. П. Григорьевым), как *будущее/настоящее, юноши/старцы, новое/старое, Восток/Запад, язычество/христианство, воображение, вымысел/рок, судьба, свое (славянское) / чужое (западное)*.

Желания А. Е. Крученых были более «скромными»: адекватно выразить собственное эмоциональное состояние в момент создания текста; максимально точно изобразить окружающую действительность (некоторые заумные тексты, звукоподражания); эпатировать читателя собственным антиэстетизмом; вызвать трудности при восприятии текста.

С В. В. Хлебниковым А. Е. Крученых разделяет общие оппозиции языковой поэтической картины мира – *юноши/старцы, прошлое/настоящее/будущее, природа, деревня / цивилизация, город*.

Основные интенции языковой поэтической личности А. А. Вознесенского – отражать изменения, происходящие в русском обществе и языке. По сути дела, все прочие интенции (по крайней мере, эксплицируемые средствами словообразования) являются вариантами этих двух: следование языковой моде, проявляющееся в создании слов со сниженной стилистической окраской, по просторечным словообразовательным моделям, деформантам эвфемистического характера; следование языковой моде, проявляющееся в использовании иноязычных корневых, а также аффиксальных и аффиксоидных морфем; демонстрация новых способов словообразования (интеграция, интернет-сращения); -отражение актуальной экологической проблематики (проявляется в окказиональных фитонимах).

Интенции напрямую связаны с эксплицируемыми в окказионализмах концептами языковой поэтической картины мира А. А. Вознесенского: неподлинность, неправильность существования человека в современной техногенной цивилизации; хаотичность социальной жизни вообще и в современной России в частности, сочетание в жизни противоречивых элементов при скрытой гармонии, единстве жизни.

Языковой поэтической личности Г. В. Сапгира свойственна такая интенция, как воспроизведение приемов (ставших классическими) авангардной поэзии. Это проявляется прежде всего в употреблении окказионализмов других авторов (В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых, Л. Кэрролла). Отсюда проистекают стремления вводить в поэтические

тексты низкий материал (стихию просторечия, нехудожественные жанры – имитация конспектов при использовании приема сечения), минимизировать грамматику (особенно при создании полуслов), затруднять процесс чтения/восприятия текстов (неблагозвучные аббревиации, графические искажения слов). Однако концепты языковой поэтической личности Г. В. Сапгира отличают его от прочих рассматриваемых поэтов – это неприятие официальных советских учреждений, вера в потусторонние силы, представление о единстве в мире добра и зла, вообще противоречивых начал – последний концепт позволяет объединить Г. В. Сапгира с А. А. Вознесенским.

**Основное содержание работы и результаты исследования
отражены в следующих публикациях:**

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК РФ:

1. *Морозов, Д. О.* Графическая интеграция в текстах А. А. Вознесенского / Д. О. Морозов // Филология и человек. – 2008. – №3. – С. 105–115. (0,9 п.л.).

Другие публикации:

2. *Морозов, Д. О.* Трансформация фразеологизмов как средство выразительности и как речевая ошибка / Д. О. Морозов // Лучшие работы участников XV городской научно-практической конференции школьников 13–14 марта 1999. – Екатеринбург : изд-во Дома учителя, 1999. – С. 2–3. (0,1 п.л.).

3. *Морозов, Д. О.* Специфика детского слова (на современном фольклорном и литературном материале) / Д. О. Морозов // Вторые Лазаревские чтения : Материалы Всероссийской научной конференции. – Челябинск : изд-во ЧГАКИ, 2003. – С. 163–166. (0,3 п.л.).

4. *Морозов, Д. О.* «Дыр бул щыл» : Попытка интерпретации / Д. О. Морозов // Littera Terra. – Вып. 2. – Екатеринбург, 2006. – С. 108–110. (0,2 п.л.).

5. *Морозов, Д. О.* Ономастические неологизмы А. Е. Крученых / Д. О. Морозов // Современные гуманитарные исследования. – 2007. – № 2 (15). – С. 130–132. (0,2 п.л.).

6. *Морозов, Д. О.* Оказиональные глаголы А. А. Вознесенского, содержащие префиксоид / Д. О. Морозов // XVI Кузнецовские чтения : Теоретическая семантика и системная лексикография : эволюция интерпретаций на рубеже веков (Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию Э. В. Кузнецовой). – Екатеринбург : изд-во УрГУ, 2007. – С. 92–95.

Подписано в печать 20.05.2009. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в ИПЦ «Издательство Уральского университета»
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4